

КАК И ФУЧИК, этот человек погиб в фашистском застенке. Не изменил Родине, не сдался, не преклонил колена перед палачом в смертную минуту.

Он прошел тернистый путь подпольной борьбы. Содержался в самых крупных политических тюрьмах гитлеровской Германии—Моабите, Тегеле, Шпандау. Его судил имперский военный суд, который рассматривал дела только особой государственной важности.

От камеры в центральном блоке тюрьмы Плетцензее до приземистого кирпичного здания в глубине двора, где была установлена гильотина, сто четырнадцать шагов. Эти последние в своей жизни шаги он прошел утром 25 августа 1944 года. Сначала в безвестие, чтобы потом обрести бессмертие.

В последнем слове на суде он не просил пощады для себя и своих товарищей, а старался их подбодрить, поднять силу духа:

— Мы горды тем, что внесли маленькую лепту в дело победы над фашизмом и жалею лишь об одном, что не удалось продолжить эту борьбу. Мы—советские люди, и мы выполнили свой долг перед Родиной.

Вскоре после войны советский писатель Юрий Корольков обнаружил на стене камеры № 382 надпись:

«Мы прошли через сорок смертей и не покорились. Муса Джалиль».

Будет найдена тоненькая, маленькая, не больше ладони, тетрадка стихов с его заветным:

«Другу, который умеет читать по-татарски и прочтет эту тетрадку. Это написал известный татарскому народу поэт Муса Джалиль. Испытавший все ужасы фашистского концлагеря, не покорившийся страху сорока смертей, он был привезен в Берлин. Здесь его обвинили в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды... и заключили в тюрьму. Его присудят к смертной казни. Он умрет. Но у него останутся 115 стихотворений, написанных в заточении. Он беспокоится за них. Если эта книжка попадет в твои руки, сбереги—это стихи погибшего татарского поэта.

Друзья по подполью сохранили эти стихи. Теперь они известны всему миру. Написанные почти в буквальном смысле слова под топором палача, они восхищают силой человеческого духа и величия, мужества и верности Отчизне. А тогда, в фашистском застенке, они были лучом света для обреченных, истерзанных людей, восточкой с Родины, источником восстановления душевных сил. И за коваными дверями тюремных камер они сражались.

Пел я, весеннюю свежесть
Пел я, вступая за Родину,
Вот и последнюю песню
Видя топор палача над собой.
Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней звенела
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

Много позже стали известны имена сподвижников Джалиля, которых вместе с ним бросили под нож гильотины в августе 44-го. Это Абдулла Алиш, Фуат Булатов, Гайнан Курмаш, Гариф Шабаев, Ахмет Симеев, Абдулла Баттал, Зиннат Хасанов, Фуат Сайфелмулюков. Их смерть и сейчас звучит песней борьбы. Эти люди будут всегда близки нам, как друзья, как родные, как мы сами.

КАК БУДУТ всегда близки и дороги имена Зарифа Алимова, Александра Афанасьева, Гильми Багаутдинова, Ивана Башкирова, Вилена Бурмистрова, Гимазетдина Вазетдинова, Николая Волостнова, Бари Габдрахманова, Газинура Гафиагуллина, Баяна Давлетова и многих других, которым посвящен сборник «Герои Советского Союза—наши земляки», первый том

которого только что выпущен Таткиноиздатом.

Во всех Указах Президиума Верховного Совета СССР о присвоении им звания Героя Советского Союза стоит приписка: «посмертно». Они сделали для освобождения Родины все, что было в их силах, отдали самое дорогое—жизнь.

От Мусы Джалиля остались стихи. Можно казнить поэта, но нельзя убить песню. От многих из тех, кто погиб в фашистском застенке или пал смертью храбрых на поле боя, не сохранилось даже писем. Кто-то по эту линию фронта не успел написать, а там, в камерах, написать, а тем более без смертельного риска для других передать на волю прощаль-

гой уже был генералом. А многим было по двадцать. Сейчас, за толщей годовых колец, невозможно представить их молодыми людьми. Столько лет прошло! Как жили, в чем видели они счастье, о чем мечтали?

«Кто не знал любви, тот все равно что не жил» (Ж. Мольер). «Любить—значит жить жизнью того, кого любишь» (Л. Толстой). Они недочувствовали, недолюбили, недомечтали. Рано ушли. Но читая дошедшие до нас строчки фронтовых треугольников, поражаешься, с какой верой в то, что «лишь в свободе жизни красота», что «лишь в отважном сердце вечность есть», шли они на смерть. Как же измерить их любовь к Родине, если ради ее свободы они жертвовали жизнью!

ротича «Лицо ненависти». В нем есть описание respectful эмигрантского русского кладбища на окраине Нью-Йорка. Кто только не покоится под здешним мрамором: царские или денкинские капитаны, офицеры владимировой РОА, бендеровцы разных рангов. Даже смерть не вправе смыть с них кровь соотечественников. Земля Америки, считавшаяся ими обетованной, не стала им домом.

Можно говорить о двух мирах, двух качественно разных сторонах народной памяти. Одна—забвение. Когда-то, в седую старину существовал обычай: выстрелом из пушки прах предателя разбрасывался по ветру. Чтобы даже пепла не осталось. Вторая—на века. Отсюда и Вечный огонь в память о тех, кто пал за правое дело. Словно, капли крови их горячей, чистой, как искра, вспыхнули, чтобы прекрасной жаждой свободы, света зажечь миллионы отважных сердец.

Виктор Гюго сказал: «Рана, нанесенная родине, каждый из нас ощущает в глубине своего сердца».

Но слишком велика рана, нанесенная Родине недобрыми владимировцами и бендеровцами. Их руки обгажены кровью сотен невинных жертв. Родина отвернулась от них. У предательства нет срока давности. Оно не «прощается».

Святой является для народа память о тех, кто в самую трудную, самую тяжелую для Отчизны годину остался ей верен, до конца выполнил свой сыновний долг.

ОКОЛО СОРОКА ЛЕТ прошло после окончания Великой Отечественной войны. Но годы не властны над нашей памятью. Ничего не забыто, никто не забыт. В книге Л. Ханина «Герои Советского Союза—сыны Татарии», вышедшей в 1963 году, были собраны сведения о 164 кавалерах Золотой Звезды. В новом сборнике помещено более 200 очерков.

Мы должны знать все о наших героях. Мы должны знать поименно всех павших. И помнить о них. Они жили для нас. Только в Татарии о них написаны десятки книг. За последние годы установлено более 300 памятников, 800 обелисков, 150 мемориальных досок. Их именами названы 175 улиц, 35 колхозов и совхозов, 32 школы, сотни пионерских дружин.

Но мы воздаем должное и подвигу оставшихся в живых. В краеведческих музеях, школьных комнатах боевой славы собираются их воспоминания, создаются фонды подлинных документов и фототрафий. Поиск продолжается. Надо успеть многое сделать. Ведь редут ряды ветеранов.

Нет с нами легендарного защитника Брестской крепости Петра Михайловича Гаврилова. С воинскими почестями он похоронен в Бресте. Мне довелось быть на открытии памятника нашему прославленному земляку на его родине—в деревне Конь Пестречинского района. Скульптор изобразил его таким, каким помнят его по послевоенным годам. Мужественное, волевое лицо, непреклонность во взгляде. Такого человека не согнуть, не сломить.

«Пока бьется мое сердце, я буду оставаться в строю». «Цель-то в жизни в этом и заключается: жить так, чтобы и после смерти не умирать».

Они с нами в одном строю, сказавшие эти слова,—М. Джалиль и П. Гаврилов, как и те 20 миллионов наших соотечественников, которых отняла у нас война.

Мы, живые, в долгу перед их светлой памятью. Ничто не забыто. Никто не будет забыт.

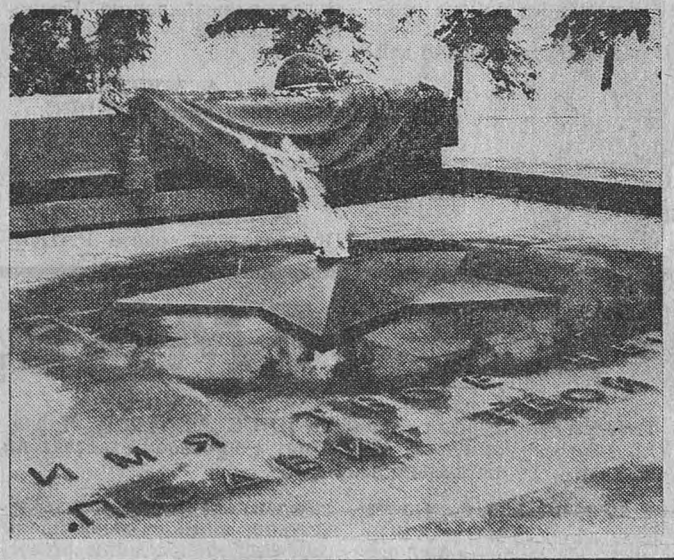
Б. МАРИХИН.

ПАМЯТЬ

2207 Вместо рецензии на книгу «Герои Советского Союза—наши земляки»

Я хотел бы, чтобы все знали: не было безымянных героев. Были люди, у каждого свое имя, свой облик, своя чаяния и надежды, и муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами.

ЮЛИУС ФУЧИК.

ные строки и вовсе не каждому удавалось.

Поэтому лишь спустя несколько лет после войны мы узнали о легендарной судьбе нашего земляка, руководителя обороны Севастополя генерала Петра Георгиевича Новикова. Он последним покинул горящий разрушенный город. В море безоружный, лишенный хода катер окружили вражеские корабли. Горстку полуживых, израненных моряков, в их числе потерявшего сознание Новикова, взяли в плен.

Враги обещали ему все: благо, лечение в госпитале, чины. Знали, каким авторитетом пользуется генерал у соотечественников, рассчитывали, что его измена подтолкнет к предательству других. Он стал знаменем борьбы, стойкости, выдержки. Не сдался. Был сожжен в крематории.

Еще Конфуций сказал, что сознавать долг и не исполнять его—это трусость. А Демокрит добавил: быть верным долгу в несчастье—великое дело. Джалиль бросил в лицо палачам: мы исполнили свой долг перед Родиной, жаль, что сделали мало. Под этими словами подписались его товарищи по подполью. Ведь ни один из них не попросил пощады.

И ДЖАЛИЛЬ, и Новиков были уже умудренными жизнями людьми. Оба могли бы сказать: «Я прошел сквозь учебу, сквозь годы работы и гражданской войны, я вливал свою молодость каплями пота в новостройки страны». Один стал политруком, дру-

«Вчера мы потеряли несколько боевых друзей. Их больше нет среди нас, но слава о них будет жить вечно. Скоро снова пойдем в бой,—писал домой матери Герой Советского Союза Михаил Фомин,—я клянусь тебе, родная, что буду крепко мстить за погибших товарищей, бороться за наше счастье».

В том бою он получил тяжелое ранение и вскоре от ран скончался.

«Клянусь тебе, отец, что с честью сумею отстоять священную землю, которую вы нам завещали,—писал домой отцу, участнику гражданской войны Вилен Бурмистров».

Провожал чуть больше года. В Указе о присвоении ему звания Героя Советского Союза записано: «посмертно».

«Скоро разобьем врага и с победой вернемся домой. Берегите себя»,—писал родным Газинура Гафиагуллина.

Себя бережеч не стал. Чтобы спасти товарищей от верной гибели, открыть дорогу вперед, закрыл своим телом амбразуру вражеского дота.

Их жизни прозвенели песней борьбы, приблизили победу, о которой они так мечтали.

Они были такими же, как и мы. Хотели быть любимыми и сами беспрдельно любили родителей, жен, детей, с которыми их разлучила война. И совсем не хотели умирать. Но потребовалось и, не задумываясь, они положили свои чистые жизни на алтарь Отечества. Если бы труслили, то, и выжив, никогда бы не простили себе этой трусости.

В СЕДЬМОМ номере журнала «Октябрь» опубликован новый документально-публицистический роман украинского писателя Виталия Ко-